

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 25-го Декабря 1905 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 8654.

Генри Кэмпбелл-Баннерманъ,
новый англійскій министръ-президентъ, составившій
министерство послѣ Бальфура. Въ 1895 г. онъ былъ
военнымъ министромъ, съ 1899 года стоялъ во главѣ
либеральной партіи въ палатѣ общинъ.

Н. Н. Герардъ,
новый Финляндскій генералъ-губернаторъ.

ДО И ПОСЛЪ.

H. du Plessac.

(Перев съ французского).

До.

I.

Виконтъ де Маллеваль капитану де
Лобардієръ.

Парижъ. 5 сентября 1893 года.

Ты меня упрекаешь, дорогой другъ, за
долгое молчаніе, и ты вполнѣ правъ. Я
вижу, что я вотъ ужъ болѣе двухъ мѣ-
сяцевъ состоялся въ молчаніи съ ры-
бами бассейна Фонтенебло. Если я не
писалъ тебѣ, то это значитъ, что я со-
всѣмъ не брался за перо.

Я былъ такъ занятъ!

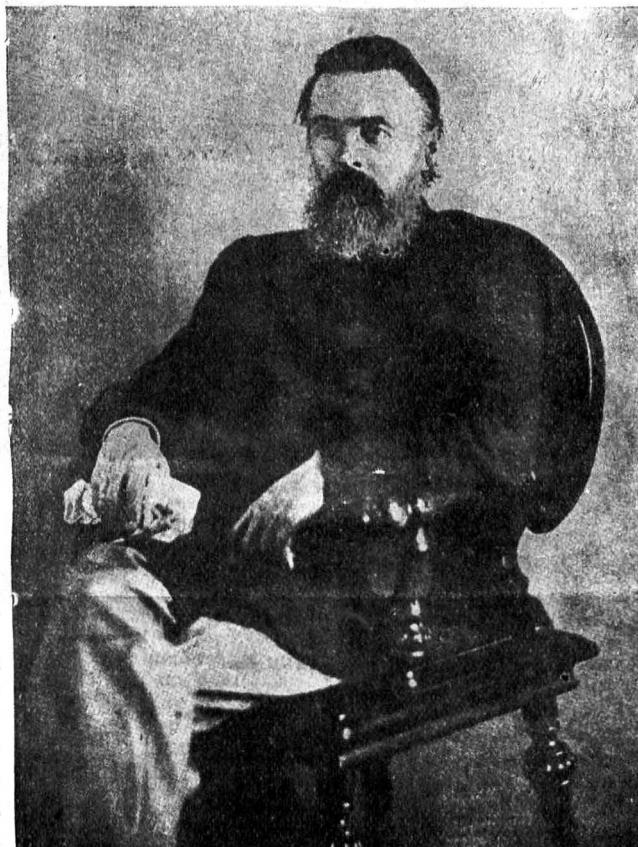
Сегодня же я не только могу, но я
долженъ писать, и ты первый, кому я
сообщу большую новость!..

Ты догадываешься?.. Да, дорогой мой, я
женюсь!

Не кривись, пожалуйста, не морщи
брови, не тереби свой русый усы съ не-
довольнымъ и скептическимъ видомъ.
Вспомни о нашей дружбѣ, которой столь-
ко же лѣтъ, сколько намъ съ тобой, по-
тому, что мы сдружились еще съ колы
бели, и подумай, что другъ твой теперь
совершенно доволетворенъ! Да, Карль, я
счастливѣйший изъ смертныхъ!

Вотъ эта исторія:

Въ это лѣто въ Люшонѣ я познако-
мился съ семействомъ, которое жило въ

А. Л. Боровиковскій, заслуженный членъ
Сената, сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента
Правительствующаго Сената и писатель. Скончался
20 ноября въ Петербургѣ.

одномъ отелѣ со мною,—отецъ, мать и
дочь; затѣмъ мальчикъ пятнадцати лѣтъ,
о которомъ я говорю между прочимъ.

Отецъ и мать, люди самые простые,
самые лучшіе во всемъ свѣтѣ; на нату-
рахъ, подобныхъ имъ, жизнь не оставляетъ
ни малѣйшаго дурного слѣда. Отличи-
тельныя черты ихъ: доброта, прямодушіе
и честность. Очень не глупы и онъ, и
она, жизнерадостные, съ легкимъ взгля-
домъ на жизнь, невольно располагающіе
къ себѣ.

Я къ нимъ уже очень привязался и
испытываю глубокую радость при мысли
сдѣлаться ихъ сыномъ.

Что касается до нея, то, присоединивъ
къ ней все то, что твоя память могла
сохранить о прелестныхъ существахъ, ко-
торыхъ ты когда-либо встрѣчалъ—красо-
та, грація, цѣломудренная чистота, зрѣ-
лость ума, возвышенная мысль, и когда
ты соберешь всѣ эти качества въ восхи-
тительное цѣлое, то ты будешь еще
на сто шаговъ ниже дѣйствитель-
ности!

Я не скрываю: я влюбленъ до безу-
мія! Я влюбился сразу, какъ только уви-
дѣлъ Жанну; я былъ пораженъ, какъ
ударомъ молніи!

Положеніе родителей скромно въ об-
щественной жизни, очень важно въ жиз-
ни коммерческой. Отецъ сдѣлался значи-
тельный лицомъ въ коммерціи. Я не
знаю ничего болѣе достойнаго, чѣмъ че-
ловѣкъ, который изъ ничего воззы-
лся, благодаря труду, разуму и чест-
ности.

Впрочемъ, мы живемъ не въ то время, когда кичились смѣшною гордостью происхожденія. Развѣ въ наше время, время равенства, есть аристократія по рожденію?

Развѣ истинная знатность не плодъ достойной жизни?

Въ этомъ случаѣ г-нъ и г-жа Бонвала и въ особенности Жанна имѣютъ право носить гордо голову.

Ахъ! мой другъ, мой другъ! У меня недостаетъ выражений, чтобы описать тебѣ, до какой степени я счастливъ! Мое сердце переполнено! Я не рѣшусь никому, кроме тебѣ, мой другъ, мой братъ, довѣрять свои чувства въ такой полночности. Я желалъ бы быть поэтомъ и умѣть пѣти! Какъ я въ настоящее время понимаю Ламартину! Нужны его мелодичныя и возвышенныя мелодии, чтобы описать, что сейчасъ происходит со мною.

Представь себѣ, когда я вчера вечеромъ въ первый разъ вымолвилъ то, что теперь твержу ей каждое мгновеніе: "Я васъ люблю", она пожала мою руку и, смотря на меня глазами, голубыми, глубокими, какъ небесная высь, сказала мнѣ: "я также!"

— Я также!.. Понимаешь ли ты безпредѣльное счастье, которое охватило меня благодаря этимъ двумъ словамъ!

Ну, я останавливаюсь!.. Кончи-смѣяться надо мною... Я тебя знаю точнымъ, положительнымъ, немного прозаичнымъ. Ты мнѣ говорилъ часто, что любовь—выдумка, не существующая на самомъ дѣлѣ. Если бы ты могъ на своемъ жизненномъ пути встрѣтить Жанну! Она заставила бы тебя увидѣть, что любовь—самая лучшая изъ всѣхъ дѣйствительностей и что въ ней заключается вся жизнь!

Твой счастливый другъ, Жанъ.

II.

Капитанъ Лобардіеръ виконту де Маллеваль.

Ванъ. 10 сентября 1898 года.

Я тебѣ отвѣщаю безъ замѣлости, дорогой Жанъ, и подробно. Ты женишься, я женюсь. Но на этомъ и оканчивается сходство нашихъ положеній. Ты, говоришь, влюбленъ до безумія, я влюбленъ чрезвычайно разумно.

Глаза моей будущей супруги не напоминаютъ мнѣ небесной выси, какъ потому, что они сѣры, такъ и потому, что я могу видѣть по нимъ все, что она думаетъ, не изучая особенно этого вопроса о цвѣтѣ глазъ. Я менѣе всего думаю воспѣвать пламя своей любви въ стихахъ Ламартину или другихъ. Это пламя—маленький, очень скромный огонекъ, который не имѣетъ раскаленаго сиянія солнца, а покойное тепло жаровни.

Ты пораженъ, счастливъ, восхищенъ. Я совершенно просто доволенъ. Ты спѣшишь къ браку, влюбленный до блаженства; я иду шагомъ, холоднымъ и расчетливымъ.

Посмотримъ, кто совершилъ болѣе долгий путь!

Я всегда видѣлъ, разсуждая положительно, что бракъ только соціальная необходимость. Я сказалъ себѣ: когда мнѣ будетъ тридцать лѣтъ, я долженъ буду покориться этой необходимости, которую мой прозаический умъ разсматриваетъ, какъ непреложный долгъ каждого человѣка для того, чтобы не сказать, что я женился на некрасивой женщинѣ. Вотъ и все; и этого съ меня достаточно.

Моралью, я не разсуждаю о чувствахъ, паль бы въ казарму, если бы того требовала служба.

Однако, я долженъ сознаться, что часто служба налагаетъ на меня обязанности непрятнѣе, чѣмъ эта.

Я не говорю тебѣ о безподобныхъ прелестяхъ, о небесной красотѣ будущей мадамъ де-Лобардіеръ. У нея ихъ достаточно для того, чтобы не сказать, что я женился на некрасивой женщинѣ. Вотъ и все; и этого съ меня достаточно.

Моралью, я не разсуждаю о чувствахъ,

которые она выражаетъ съ тѣхъ поръ, какъ я за ней ухаживалъ.

Этотъ періодъ, который предшествуетъ браку, есть совершенная комедія, где каждый играетъ роль, стараясь говорить и дѣлать только то, что нравится его будущему супругу или супругѣ, и остерегаясь, чтобы не показать себя жалкимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности. Но я вполнѣ довѣрю особѣ, которая выдумала нашу будущую союзъ и которая, зная молодую девушку съ дѣтства, ручалась мнѣ за ея добрыя намѣренія.

Беззовутъ Ивонна Легонне. Она бретонка. Я люблю этотъ народъ. Бретонцы—люди твердые, которые не обѣщаютъ болѣе, чѣмъ могутъ дѣлать, но они сдержать все, что пообѣщаютъ. Она принадлежитъ къ хорошему сословію, я также. Мы будемъ равны по происхожденію. Бываю случай, какъ, напримѣръ, твой, когда любовь слаживаетъ неровности; но ея роль въ моемъ дѣлѣ, роль второстепенная, я не могу рассчитывать на нее для этой геометрической операции. Напримѣръ, у насъ уровень для имущества совершенно определенъ. Мое скромно, ты это знаешь; я также. У насъ нѣтъ ничего, что дало бы поводъ попрекать другъ друга. Вотъ и избѣгнута причина охлажденія. Имѣя оба простые вкусы, мы будемъ имѣть достаточно, чтобы удовлетворять ихъ: это все какъ слѣдуетъ.

Я еще не говорилъ тѣ Легонне твоемъ излюбленное:

"Я васъ люблю". Это было бы... преувеличено. Однако, я надѣюсь, что это будетъ. Но этого еще нѣтъ, и поэтому не слѣдуетъ раньше времени говорить о своемъ чувствѣ. Я ей сказаѣ въ тотъ день, когда сдѣлалъ официальное предложеніе:

— Я вамъ даю мое честное слово, что я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы сдѣлать васъ счастливой.

Она мнѣ отвѣтила:

— Я вамъ даю то же обѣщаніе.

Доброе пожатіе рукъ двухъ людей, которые заключаютъ союзъ на общее дѣло, и все сказано.

Мы не скакемъ, мы бѣжимъ рысью. Прости мнѣ это сравненіе. Но развѣ оно неумѣстно подъ перомъ кавалерійского офицера?

Мой романъ,—если это слово для меня не чрезмѣрно, нисколько не походить на твой.

— Это просто объясняется: наши натуры не склонны.

Ты—электрическая лампа, а я—хорошая старая лампа Карцеля, старинной системы. Будемъ счастливы, каждый на свой манеръ.

Твой другъ Карль.

Послѣ.

Виконтъ де-Маллеваль капитану де-Лобардіеръ.

Парижъ. 12 августа 1901 года.

Дорогой другъ! твои письма почему то сдѣлались рѣдки и коротки, но въ нихъ такъ ясно проглядываетъ удовлетвореніе, такое довольство домашней жизнью, что я очень счастливъ за тебя. Я вижу, что судьба къ тебѣ гораздо благосклоннѣе, чѣмъ ко мнѣ.

Я не завидую твоему счастью, но я желалъ бы его.

Мое существование за эти три года мало походить на твое. Ты, мнѣ кажется, восходиши размѣрными довольными шагами на ту плоскость, съ которой я падаю все это время. На меня нападаютъ минуты совершенного отчаянія.

Когда много терпя, имѣю нужду въ томъ, чтобы кричать. Не оттолкни меня, если я пришелъ излить тебѣ свое горе, старый другъ дѣтства.

Около трехъ лѣтъ я перехожу отъ обмана къ обману, и я весь опутанъ имъ. Я ебъ признаюсь тихонько, я поклоняюсь день, когда я пріѣхалъ въ Люшонъ.

Съ во времія, предшествовавшее моему браку, все было совершенно, деликатно. Рай на землѣ!

Я бѣлья увлечены въ вихрѣ страсти, которая не давала мнѣ видѣть ничего

Н. И. Тевяшевъ,
генералъ отъ кавалеріи туркестанскій
генералъ-губернаторъ. Скончался въ
Ташкентѣ 27 ноября 1905 года.

П. Л. Лобко,
генералъ—адъютантъ, членъ Государственного совета, бывшій государственный контролеръ. Скончался въ Петербургѣ 25 ноября 1905 г.

тестемъ—и съ какимъ вкусомъ, Боже мой! Рококо, повсюду мишуро, вульгарность,—во вкусѣ „д'ог“, какъ выражалась мадамъ Бонвалуа.

Во первыхъ, мое помѣщеніе начиналось и заканчивалось рядомъ салоновъ: одинъ—отдѣланный въ желтый цветъ, другой въ голубой, въ китайскомъ вкусѣ, помпадуръ и т. д., и ни одного уголка для покоя уединенія!

Можешь себѣ представить мое удивленіе и отвращеніе! Я засталъ своего тестя за какимъ то финансовымъ занятіемъ, съ его грубымъ смѣхомъ, который я находилъ когда-то полнымъ доброты и который я нашелъ сегодня плачевною вульгарностью; онъ сказаѣ мнѣ: хлопая меня по животу,—это его привычка:

— Не беспокойтесь; мы за это заплатимъ!

А моя теща, которой вѣчный смѣхъ покоя на кудахтанье настѣдки, спрашивала:

— Сынокъ, достаточно ли шину?

Эта сцена хорошо обрисовываетъ тебѣ всѣ послѣдующія, подобныя ей; и утромъ, и вечеромъ я слышу одинъ и тотъ же возгласъ:

— Мы за это заплатимъ!

А такъ какъ они—дѣ хорошие люди, которые за все заплатятъ, я должнаѣ все дѣлать, что имъ понравится, и иногда то, что захочется мнѣ.

Прибавь къ этому другія пріятности, какъ, напримѣръ, эти полныя вѣжливости:

— Мнѣ стоило дорого сдѣлать свою дочь виконтессой; сна—виконтесса за мои деньги!

Это означаетъ, что я должнаѣ всюду тащить своего тестя, съ его грубыми шутками, часто сомнительного свойства, мою тещу съ ея кудахтаньемъ и, наконецъ, ихъ сына—упрямаго мальчишку, глупца, восемнадцатилѣтняго болвана! Они живутъ во второмъ этажѣ отеля—“ихъ отель”, потому что они за него заплатятъ!

Я не могу уйти ни на минуту отъ ихъ надоѣдливыхъ визитовъ. Я не женился на женщинѣ, я женился на шѣломъ семействѣ.

И твоя жена такая же! скажешь ты; она главная изъ нихъ.

Да, правда, она главная... виновница моихъ несчастий.

Я открылъ по собственному опыту, что то, что я называлъ когда то „цѣло-мудренной чистотой“, было только наивность, до границы, которая позволила бы дать болѣе сильное название. Она ничего не знаетъ и не хочетъ знать. Красива, да, это такъ, вотъ это она должнаѣ хорошо знать, судя по времени, которое она проводитъ у зеркала. Это единственный занятіе.

Правда, я ей не дѣлаю серьезныхъ упрековъ,—по крайней мѣрѣ, еще не дѣлаю, такъ какъ это возможно при ея равнодушіи и чрезмѣрномъ тщеславіи.

Это тщеславіе до сихъ поръ служитъ предохранителемъ.

Жанна пока видѣть только одно: это, что она „мадамъ виконтесса“.

Что касается до виконта, онъ играетъ роль второстепенную въ ея существованіи, и его единственная польза въ томъ, что онъ передѣлъ ей свой титулъ.

Она любить меня, какъ любить драгоценность, которая украшаетъ и заставляетъ блестеть. Если бы я называлась коротко какимъ-нибудь Тартемпіономъ, обо мнѣ не было бы и рѣчи.

Увы! Это большое несчастие, что я не называюсь такъ!

Я пораженъ однимъ,—какъ человѣкъ, одаренный хорошими чувствами и достаточной долей пониманія, не видить „до“ то, что видѣть „послѣ“. Все это открываетъ мнѣ глаза.

Ахъ! какъ любовь слѣпа!...

Прощай, мой другъ; будь счастливъ ты, который можешь быть счастливымъ.

Твой бѣдный Жанъ.

II.

Капитанъ де Лобардіеръ виконту де Маллевиль.

14 августа 1901 года.

Твое печальное письмо не удивило меня: я его ждалъ.

Съ какихъ поръ? Съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ писалъ года три назадъ, чтобы извѣстить меня о своемъ бракѣ.

Бракъ, какъ ты видишь, не романъ, а исторія. Романъ полонъ выдумокъ, исторія—дѣйствительностей. Если признать это положеніе, ты дѣйствительно очень несчастенъ.

Менѣе влюбленный, ты видѣлъ бы недостатки болѣе ясно, и ты не женился бы, или по крайней мѣрѣ заключилъ бы нѣкоторая условія. Прежде всего должна быть абсолютная независимость въ своемъ собственномъ умѣ, въ своемъ хозяйствѣ.

Въ этомъ я видѣлъ бы, даже теперь, твое единственное спасеніе.

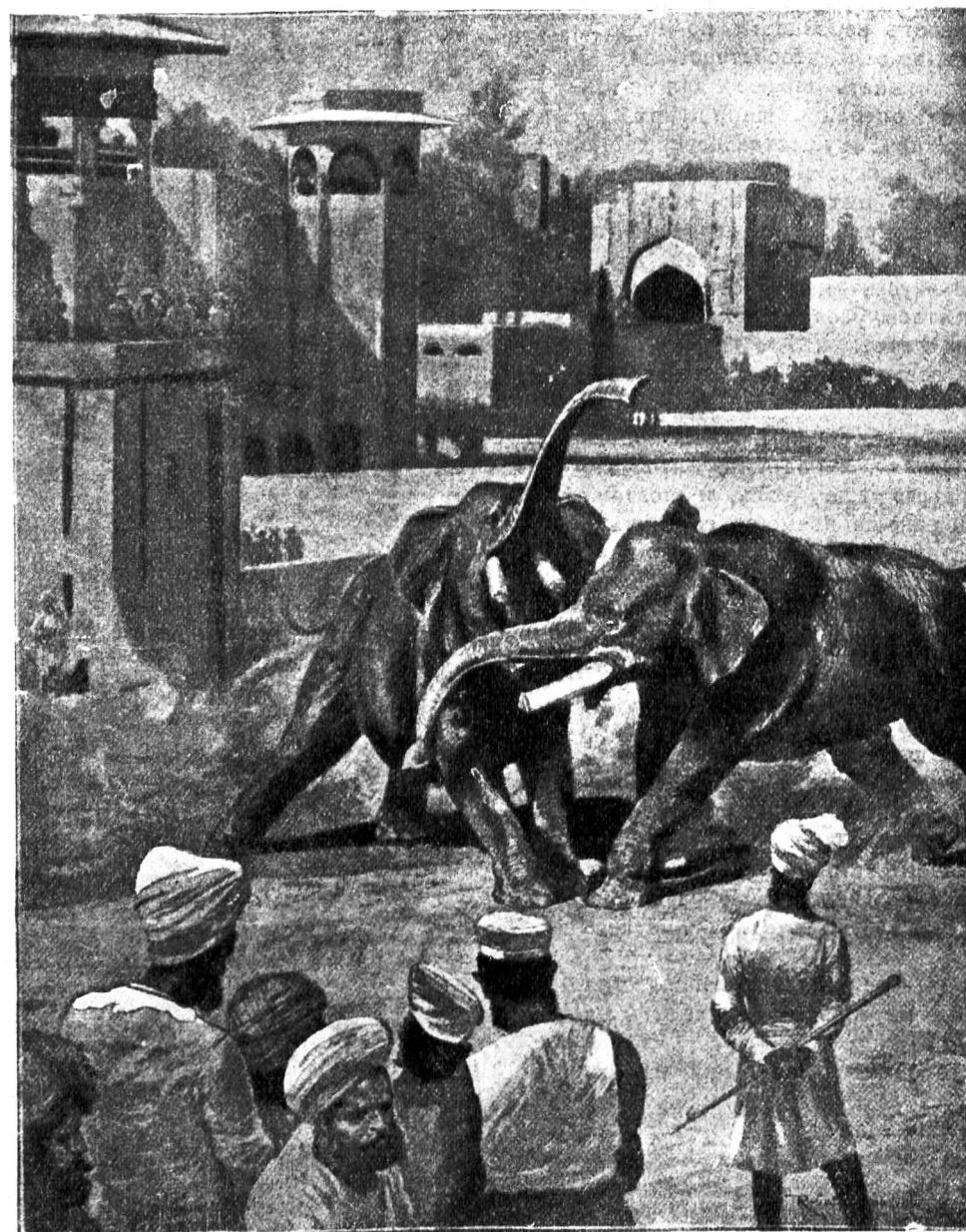
Освободись отъ несносной опеки и прѣѣзжай со своей женой провести нѣкоторое время подъ нашей скромной кровлей.

Ивонна возьмется за ваше брачное воспитаніе, только по своему примѣру. М-те де Маллевиль увидитъ у насъ двухъ мужественныхъ людей, которые, взвѣшивъ разумно ихъ взаимныя условія характера и ума, пообѣщали другъ другу уваженіе и дружбу, и болѣе ничего. Но это было обѣщаніе очень достаточное для того, чтобы вступить въ бракъ—и завести одно хозяйство.

Такъ какъ ни у одного, ни у другого ничего не помѣшало нашей совмѣстной жизни, мы хорошо узнали другъ друга, когда представили предъ мэромъ наши качества и недостатки. У насъ не было ни неожиданностей, ни обмановъ. Съ достаточнымъ одушевленіемъ и съ одинаковыи добрымъ намѣреніемъ, мы старались открывать качества, уменьшать недостатки, и въ этомъ трудѣ, обратившемся въ общемъ въ законъ, мы нашли свое счастье.

Не блестящее счастье, какъ огонь искусства, который обольщаетъ, кипитъ и прекращается, но счастье увѣренное, какъ огонь очага, который безъ пыланія, горитъ твердо, привѣтливо, всегда одинаково и продолжается, не увеличиваясь. Въ немъ главное, дѣйствительно, любовь, но любовь холодная, увѣренная, —однако, болѣе глубокая, которая опирается на добровольное сходство вкусовъ, на сообразность положеній, однимъ словомъ, на основаніе надежное.

Ну, вотъ то, что ты увидишь у насъ: и нашъ очагъ довольно горячъ, чтобы зажечь твой!

Развлеченіе индусовъ—дѣль слоновъ.

Ты увидишь также другую причину счастья, о которой, кажется, ни ты, ни твоя жена не думаете, хотя эта причина господствуетъ надъ всѣми остальными и опредѣляетъ истинный разумъ брака: это г-нъ Гонтранъ Лобардіеръ, будущій драгунъ, какъ и его отецъ, который въ настоящее время съ нетерпѣніемъ, которое я рекомендую тебѣ, старается сдѣлать паштетъ изъ песку подъ моимъ окномъ.

Итакъ, прѣѣзжайте, братъ съ наѣмъ пріемъ; мы васъ ждемъ.

Твой Карлъ.

ЦИНКОГРАФІЯ
„Южного Края“
Харьковъ, Сумская, 13,
 принимаетъ всевозможного рода
 заказы на клише.

